

Шеринг как результат цифровизации сферы услуг. Поиск новой модели экономического развития

Евгений Ф. Авдокушин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, Elez.elena@gmail.com*

Елена Г. Кузнецова

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, Elez.elena@gmail.com*

Аннотация. Цифровизация становится мощным преобразующим фактором современной экономики, порождая новые отрасли и модернизируя традиционные. Одной из таких традиционных отраслей становится сфера услуг. Цифровизация выводит эту отрасль на новый уровень с постоянно расширяющимся горизонтом – возникает экономика совместного потребления (ЭСП). Сервисный сегмент ЭСП дополняется экономикой совместного использования (ЭСИ), т.е. производственными услугами, формируя общую модель шеринга как симбиоз производства, обмена и потребления, постепенно вписывая эту систему в модель современной экономики. В статье ЭСП рассматривается как часть экономики шеринга, способствующая формированию антиконсюмеризма, с высокой степенью потребительской ответственности к окружающей среде, инклюзивности. Модель шеринга трактуется как симбиоз ЭСП и ЭСИ. Экономика совместного использования в сочетании с ЭСП дает трактовке шеринга необходимую теоретическую и практическую завершенность, комплексность, создает предпосылки для выдвижения шеринга в такой конфигурации, как новая модель экономического развития.

Ключевые слова: цифровизация, экономика совместного потребления, экономика совместного использования, шеринг, экономическая модель, экологичность, потребительская ответственность, инклюзивность, рециркуляционная, регенерационная экономика, распределенная экономика, платформенные решения, безотходные технологии, возобновляемые источники энергии, модель устойчивого развития, ловушки цифровизации

Для цитирования: Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Шеринг как результат цифровизации сферы услуг. Поиск новой модели экономического развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 1. С. 28–44. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-1-28-44

Sharing as a result of digitalization
of the service sector.
Search for a new model of economic development

Evgenii F. Avdokushin

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
Elez.elena@gmail.com*

Elena G. Kuznetsova

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
Elez.elena@gmail.com*

Abstract. Digitalization is becoming a powerful transformative factor in the modern economy, spawning new industries and modernizing traditional ones. The service sector is becoming one of those traditional industries. Digitalization is taking the industry to a new level with an ever-expanding horizon - the emerging sharing economy [collaborative consumption economy (CCE)] (ESP). The ESP service segment is complemented by a sharing economy (ESI), i. e. production services, forming a general sharing model as a symbiosis of production, exchange and consumption, gradually integrating this system into the model of the modern economy. The article considers ESP as part of the sharing economy, contributing to the formation of anti-consumerism, with a high degree of consumer responsibility to the environment, inclusiveness. The sharing model is interpreted as a symbiosis of ESP and ESI. The economy of sharing in combination with ESP gives the interpretation of sharing the necessary theoretical and practical completeness, complexity and creates the preconditions for the promotion of sharing in such a configuration as a new model of economic development.

Keywords: digitalization, collaborative consumption economy, sharing economy, sharing, economic model, sustainability, consumer responsibility, inclusiveness, recycling, regenerative economy, distributed economy, platform solutions, zero-waste technologies, renewable energy sources, sustainable development model, digitalization traps

For citation: Avdokushin, E.F. and Kuznetsova, E.G. (2021), "Sharing as a result of digitalization of the service sector. Search for a new model of economic development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 28–44, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-1-28-44

Введение

Медленное сползание мировой экономики в кризис после его приостановки в начале 10-х гг. XXI в. было резко ускорено пандемией коронавируса (COVID-19). Посткризисное развитие в основном не преодолело причин, порождающих развертывание нового кризиса, сумев лишь их несколько приглушить посредством использования цифровых технологий во многих традиционных отраслях, инструментах развития. Человеку нужна новая модель развития, новая экономика для дальнейшего движения по пути прогресса. На место одной из таких моделей претендует модель экономики совместного потребления (далее ЭСП), часто трактуемая как модель шеринга. Этой модели приписываются чудесные свойства по изменению современного мира: от модификации частной собственности до формирования сообщества разумных потребителей, отказа от господствующего консьюмеризма, следования принципам высокой социо-экологической ответственности и т. п.

В 10-х гг. XXI в. наблюдается подъем и быстрое распространение ЭСП как части экосистемы использования цифровых платформ, разнообразных мобильных приложений.

Модель ЭСП включает такие определения, как: экономика обмена, экономика совместного потребления, экономика совместного пользования товарами, услугами (далее ЭСИ), коллаборативная экономика (collaborative economy), экономика от пользователя к пользователю или P2P (peer-to-peer economy), крауд-экономика (crowd economy), гигномика (Gig economy), экономика доступа (access economy) и т. п. Данные понятия имеют единую концептуальную основу – взаимодействие, коллаборационизм, кооперативизм, однако при более детальном анализе выявляются различия данных терминов.

Подчеркнем, что в настоящее время пока нет единого общепринятого определения для обозначения этой модели. Это объясняется тем, что данная модель сложилась совсем недавно: сам термин «sharing economy» («шеринговая экономика») появился в экономической литературе в период финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. вместе с образованием новых бизнес-структур. Происхождение этого термина связывают с именем Лоуренса Лессинга (Lawrence Lessing), профессора права в Стэнфордском университете (ныне работающего в Гарвардском университете), первым использовавшим этот термин (в 2008 г.).

Термин «collaborative consumption» («совместное потребление») впервые был использован еще в 1978 г. Маркусом Фелсоном и Джо Л. Спаэтом в статье «Структура сообщества и совместное потребление: рутинный подход к деятельности» [Felson, Spaeth 1978]. Термин

«совместное потребление» применяется для описания экономической модели, которая базируется на коллективном использовании товаров и услуг, бартере и аренде вместо владения, в основе которой лежит идея, что иногда удобнее платить за временный доступ к продукту, чем владеть этим продуктом [Botsman, Rogers 2010].

В последние годы различными специалистами и экспертными организациями был проведен ряд исследований о влиянии шеринга на различные сферы жизни человека и бизнеса. Результаты свидетельствуют о том, что шеринговая экономика создает возможности для решения проблем в области занятости, эффективности использования материальных факторов производства, вовлечения в оборот слабоиспользуемых или «спящих» факторов, снижения нагрузки на окружающую среду. В малом и среднем бизнесе основным преимуществом использования модели шеринга является ликвидация звена посредников, а также преодоление проблемы эйджизма (дискриминации работника по возрасту). В области социальных отношений модель шеринга способствует развитию духа кооперативизма, солидарности, добрососедства, доверия. В этой связи распространение модели шеринга в публикациях западных исследователей часто рассматривается как кризис «общества потребления» [Авдокушин, Белова 2018].

Вместе с тем односторонняя трактовка шеринга только как ЭСП вряд ли может претендовать на модель, способную заменить концепцию и парадигму устойчивого развития, которой следует мировое общество вот уже 40 лет со все убывающей эффективностью. В статье экономика шеринга рассматривается как симбиоз ЭСП и ЭСИ, которая в таком качестве может дать синергетический эффект и основу в понимании и поиске путей и механизмов для перестройки господствующей модели социально-экономического развития.

Предпосылки развития шеринговой экономики

Первые шеринговые сервисы появились в начале 2000 г. и были связаны с развитием новой бизнес-модели, которая давала определенные возможности решить социальные проблемы с учетом роста населения и фактора истощаемости ресурсов. Развитию модели шеринга был дан импульс в 2008–2009 гг. в связи с мировым экономическим кризисом. Появление в этот период в США таких цифровых платформ, как Uber¹ и Airbnb², было обусловлено двумя основными

¹ Uber – американская компания, создавшая одноименное мобильное приложение для организации поездок.

² Airbnb – американская компания, предоставляющая онлайн-площадку для размещения поиска и краткосрочной аренды жилья.

факторами: ростом безработицы и снижением темпов роста ВВП на душу населения.

Особую и определяющую роль в появлении шеринга сыграла сеть Интернет и нарастающая цифровизация сферы услуг ведущих экономик. Благодаря интернету в мире постоянно увеличивается доля населения, которая, имея доступ к сети, предпочитает использование разных веб-сайтов или приложений для заказа товаров и услуг. Модель шеринга в цифровом формате делает процесс получения услуг более быстрым и простым: высокая скорость предоставления услуг обеспечивается за счет грамотного построения процесса получения услуги напрямую.

Шеринг – это та часть цифровой экономики, которую можно рассматривать как общую модель плюс интернет, т. е. цифровизация существующих традиционных индустрий, в частности сферы услуг (бытовых, производственных, рекреационных и т. д.). Благодаря разворачивающемуся процессу цифровизации ряда традиционных отраслей, производств сфера услуг получает «второе дыхание», происходит ее ренессанс, но уже на иной, массовой основе, посредством вовлечения в эту сферу огромного количества людей на принципах коллаборации, кооперации.

Среди прочих факторов развития шеринга особо следует выделить демографический аспект. Шеринг предоставляет возможности различным возрастным группам населения (в том числе людям в возрасте 60 лет и старше) не только использовать новые сервисы, но и решить проблему их занятости. Увеличение численности данной возрастной группы с 0,96 млрд (2017 г.) до 2,1 млрд (2050) будет также содействовать распространению шеринга.

Развитие отношений шеринга определяется многими факторами, но прежде всего осознанием как многих людей так и компаний того факта, что многие имеющиеся у них активы используются неэффективно, что нужно создавать возможности для более рационального их использования. В результате шеринговая модель получает стремительное развитие, причем не только вследствие эффекта низкой базы.

Согласно прогнозу PwC, к 2025 г. доля шеринговой экономики увеличится с 5% (2013 г.) до 50%³. Ожидается, что к середине третьего десятилетия XXI в. рост шеринговой экономики обеспечит такую ситуацию, когда в четырех из пяти секторов шеринговой экономики будет осуществляться более 10 млрд транзакций ежегодно, за ис-

³ PwC. The sharing economy: how will disrupt your business? August 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://pwc.blogs.com/files/sharing-economy-final-0814.pdf> (дата обращения 12 августа 2020).

ключением лишь сектора профессиональных услуг по запросу (on-demand professional services).

В Китае, одном из мировых лидеров ЭСП до 2020 г., распространение шеринг-модели будет обеспечивать дополнительный рост ВВП на уровне 1.5–2% в год и приведет, по некоторым оценкам, к появлению 5–10 новых интернет-гигантов. В России объем шеринг-экономики в 2019 г. вырос на 51% и достиг 769,5 млрд руб., по данным РАЭК и «ТИАР-Центра». При этом 74% роста этого рынка пришлось на сегмент C2C, т. е. продажа вещей через онлайн-каналы⁴.

О некоторых характеристиках сущности шеринга и экономики совместного потребления

Получив сравнительно широкое распространение на практике модель шеринга не получила единого общепринятого определения. Споры в научной среде в отношении сущности этого явления по-прежнему продолжаются.

Пожалуй, наиболее распространенной и поддерживаемой многими исследователями концепцией совместного потребления является концепция совместного потребления, обнародованная в 2010 г. Рэйчел Ботсман (Rachel Botsman) и Ру Роджерсом (Roo Rogers), соавторами книги “What’s Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption”, которые охарактеризовали совместное потребление как «социально-экономическую систему для производства, распределения, торговли и потребления товаров и услуг различными людьми и организациями», представляющую собой «быстрый взрыв в обмене, совместном использовании, бартере, торговле и сдаче в аренду с помощью новейших технологий и рынков от пользователя-к-пользователю (peer-to-peer) в невиданных ранее масштабах»⁵.

Р. Ботсман и Р. Роджерс определили три системы совместного потребления, которые дополняются моделями совместного производства, транзакций, инвестиций и создания рынка (см. рис. 1).

По мнению Р. Ботсман, совместное потребление обладает следующими тремя основными преимуществами: 1) в экономике – более эффективное и устойчивое использование финансовых ресурсов; 2) в окружающей среде – более эффективное, устойчивое и инновационное использование природных ресурсов; 3) в обществе – более глубокие социальные и личные связи между людьми [Botsman, Rogers 2010].

⁴ Шестоперов Д. Покупатели привыкают делиться. Экономика совместного потребления ускорила рост // Коммерсантъ. 2020. 5 марта. С. 7.

⁵ PwC. The sharing economy...

Рис. 1

1. Системы производственного обслуживания (Production service systems)
2. Совместный образ жизни (Collaborative lifestyle)
3. Рынки перераспределения (Redistribution markets)

По мнению Р. Ботсман, совместное потребление – еще незрелая система, которая изменяет не то, что мы потребляем, а то, как мы потребляем⁶.

Следует отметить, что большинство исследователей разделяет точку зрения на совместное потребление Р. Ботсман и старается дополнить ее своими характеристиками: потребление на основе доступа как транзакции, которые могут быть опосредованы рынком, но без передачи права собственности [Bardhi, Eckhardt 2012], модель рынка, которая позволяет людям координировать приобретение и распределение ресурса за плату или другую компенсацию, где взаимодействие хотя бы частично поддерживается или опосредовано технологией [Belk 2014], экономика взаимодействия между рыночной и нерыночной экономикой, требующей соответствующих подходов к развитию экономики совместного потребления [Scaraboto 2015]; новая экономическая модель, бизнес-модель, снованная на обмене, бартере, продаже или аренде [Quinson 2015]; обмен товарами и услугами от пользователя-к-пользователю (P2P), которому способствуют онлайн-платформы [Guyader 2019].

В современной литературе, посвященной шеринговой экономике, существует многообразие оценок роли совместного потребления: изменяет то, как мы потребляем, пересматривает роли владельцев, потребителей и производителей, создает инновационные бизнес-модели, разрушает существующие отрасли [Belk 2014], приводит к альтернативной экономике, бросает вызов политическим, а также регулирующим органам [Wruk, Oberg, Maurer 2019].

⁶ The Reputation Economy. Rachel Botsman on how online reputation is becoming a currency [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mbanights.com/the-reputation-economy/> (дата обращения 14 сентября 2020).

Некоторые исследователи шеринговой экономики рассматривают эту модель в качестве одного из самых существенных трендов современной мировой экономики и явления, способного привести к смене экономической парадигмы⁷. Совместное потребление в 2011 г. было названо журналом «Тайм» (Time) одной из десяти идей, которые изменят мир⁸, остановив ярко проявившиеся в XX в. перепроизводство и сверхпотребление. Основатель и идеолог Давосского форума Клаус Шваб в своей книге «Четвертая промышленная революция» относит экономику совместного потребления к принципиально новой модели, которая изменит современное общество [Шваб 2017, с. 182].

Разработкой определения сущности ЭСП занимаются и российские исследователи. ЭСП рассматривается как динамично развивающаяся социально-экономическая модель, основанная на коллективном использовании товаров и услуг, обмене и аренде вместо их владения; позволяющая рационально использовать ресурсы или обмениваться ими. ЭСП называют «умной экономикой», одним из направлений развития цифровой экономики [Ревенко 2018].

Многие зарубежные и российские авторы, давая различные определения ЭСП, при этом сходятся во мнении, что последняя базируется на трех «китах», обеспечивающих ее конкурентоспособность в сравнении с традиционными экономическими моделями: использование современных технологий построения интернет-платформ; широкое вовлечение в оборот простаивающих ресурсов всех экономических субъектов, включая домохозяйства; формирование института доверия пользователей.

Так, например, в докладе Всемирного экономического форума 2013 г. отмечается, что бизнес в ЭСП работает лучше, если он отвечает следующим критериям:

- для актива важно стать «ликвидным», т. е. легко делиться и / или распространяться;
- когда актив имеет высокий холостой ход, т. е. низкую частоту использования (например, автомобилей, жилья);
- если активы связаны с высоким процентным соотношением расходов на доход или ими дорого владеть сразу из-за потенциальной стоимости;

⁷ Sharing economy: 5 ½ доводов, чтобы принять, проникнуться и полюбить // TeamForce [Электронный ресурс]. URL: <https://www.teamforce.ru/sharing-economy> (дата обращения 14 сентября 2020).

⁸ 10 Ideas that will change the world [Электронный ресурс]. URL: <https://www.content.time.com/time.com/timw/specials/packages/0%2C28757%2C2059521%2C00.html> (дата обращения 15 августа 2020).

- ограничения сбережений и / или доходов (например, предметы роскоши);
- активы, которые быстро устаревают;
- активы, которые не имеют спроса или ограничения предложения, или чья ценность увеличивается из-за того, что они являются общими⁹.

Следует отметить, что критерии и сферы действия ЭСП здесь в основном сводятся к потребительской сфере, при игнорировании того, что эта модель, как модель экономики совместного потребления (использования), имеет и свою производственную сущность. Она не замыкается в рамках сферы потребления, а через систему обратных связей взаимодействует со сферой производства. Об основных формах этого взаимодействия поговорим ниже.

В отношении определения особенностей (признаков) ЭСП у исследователей также присутствуют различные подходы, в зависимости от исходного определения, данного тем или иным автором совместному потреблению. Так, группа исследователей из США и Великобритании Sabine Benoit, Thomas L. Baker, Ruth N. Bolton, Thorsten Gruber, Jay Kandampully выделяют три особенности (признака) совместного потребления (collaborative consumption), проводя различия между последним и такими понятиями, как шеринг, покупка, аренда: 1) количество и тип акторов (участников СП) – триадический (между провайдером платформы, одноранговым поставщиком услуг (peer service provider) и клиентом); 2) характер обмена – нет передачи права собственности (более короткие сроки согласованного потребления недоиспользуемых активов у однорангового поставщика услуг, последовательное использование); 3) прямота обмена (обмен опосредован через рыночные механизмы). Для сравнения «шеринг»: 1) количество и тип акторов (участников СП) – два и более лиц; 2) характер обмена – нет передачи права собственности (часто совместно используемая собственность, для одновременного или последовательного использования); 3) прямота обмена (не опосредован через рынок, а через социальные механизмы) [Benoit, Baker et al. 2017].

В этой связи отметим, что ряд зарубежных и российских авторов при определении ЭСП пользуются термином «совместное использование» [Heinrichs 2013, Richardson 2015, Юрасов 2017, с. 183].

⁹ Young Global Leaders. Circular Economy Innovation & New Business Models Dialogue. Young Global Leaders Sharing Economy Dialogue Position Paper 2013. World Economic Forum, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_YGL_CircularEconomyInnovation_Position_Paper2013.pdf p. 10 (дата обращения 14 октября 2020).

Трактовка ЭСП как новой модели потребления объяснима, но вряд ли продуктивна как идея, способная изменить современное общество и мир в целом. Это модель для пассивного потребления. В симбиозе ЭСП и ЭСИ появляется производственный контекст. В этой модели лежит не только обмен и перераспределение имеющегося продукта, материальных ресурсов, финансов, но и его создание и дальнейший обмен и потребление.

Узкое понимание ЭСП как модели взаимного потребления сообществом пользователей различного рода продукции, ресурсов и услуг – это реинкарнация потребительского кооператива, но с позицией электронной платформы агрегатора.

ИКТ, цифровизация, алгоритмизация и создание электронных платформ не только повышают эффективность работы многих традиционных отраслей, но и осуществляют их сущностные преобразования, создавая новые характеристики, смыслы, возможности этих отраслей. Сфера совместного потребления продуктов, услуг, ресурсов как раз и стала фактически новой отраслью, в отличие от традиционной рутинной сферы услуг. Цифровизация создала эффект синергии в этой сфере, добавила динамики, породила определенные надежды на модификацию отношений собственности, выдвинула на авансцену новой кооперативной сущности общества в противовес индивидуалистическому поведению людей в капиталистическом обществе.

Таким образом, модель шеринга – это та часть цифровой экономики, которую можно рассматривать как модель «+ интернет», т. е. цифровизацию традиционной сферы, в частности сферы услуг. В данном случае цифровизация способствует новому прочтению сферы услуг, ее субъектов и механизмов. Интегрирование традиционных бизнес-моделей с инновационными (в ЭСП) порождает новые правила взаимодействия всех участников. Ряд зарубежных и отечественных авторов утверждают, что в сегодняшнем цифровом сетевом обществе ЭСП постепенно становится новой бизнес-моделью развития территорий, которая развивается параллельно с закрепившимся трендом внедрения информационно-коммуникационных технологий в урбанизированной среде [Юрасов 2017, с. 183.]. Более того, мы уже можем говорить как о недалеком будущем о «городах совместного потребления» (shareable city)¹⁰.

Трактовка ЭСП как «новой экономической модели» является плодотворной только при условии понимания ее сущности как симбиоза с экономикой совместного использования (ЭСИ) в ее производственном контексте. Шеринг-экономика – это не только

¹⁰ Young Global Leaders...

ЭСП как экономика различных потребительских сервисов, но и производства на основе этой модели. Потреблять не только то, что уже произведено или производится здесь и сейчас (разного рода услуги), но и вновь произведенные материальные продукты, как результат регенерационного производства. Только в сочетании ЭСП и ЭСИ эту модель можно назвать новой экономической моделью, «меняющей мир». В противном случае – это модификация на основе ИКТ, технологий больших данных бизнеса в сфере услуг, использование платформенных решений в этой отрасли. Да, существенно преобразившейся отрасли под влиянием цифровых технологий, но не менявшей ее сути. С определенной натяжкой ее можно назвать новой моделью обеспечения потребления, новых форм его организации посредством различного рода электронных платформ. Агрегаторы, оптимизирующие процесс потребления, сам процесс потребления превращают в товар, управляя и всемерно коммерциализируя его. В результате эта модель прямо противоречит принципам, идеологии ЭСП, направленной против консьюмеристских основ современного общества развитых стран или обществ, стремящихся к ним приблизиться (Китай). Шеринг, основанный только на обмене, потреблении, в перспективе так и останется зоной «культуры бедности» или сферой деятельности нижней границы среднего класса, домохозяйств со сравнительно скромным доходом, пожилых людей, матерей-одиночек. Именно эти группы населения, в соответствии с обзором ВЭФ–2019, определяют в настоящее время развитие экономики совместного потребления.

Шеринг, базирующийся на платформенных решениях обмена и потребления, приведет не к большей свободе потребления на его разумных основах, а к его монополизации в руках агрегаторов, контролю. Поведение потребителя будет управляться и подстегиваться цифровыми алгоритмами в направлении нужному агрегатору-монополисту. Разница между деятельностью ТНК и порождающимися монополистами лишь в большем давлении со стороны последних. Этот процесс уже пошел, и он практически уже не остановим, если не будут предприняты соответствующие комплексные меры со стороны государства и мирового сообщества в целом.

Новая экономическая модель формируется вследствие видения шеринга как симбиоза ЭСП и ЭСИ, т. е. с включением производства как важной составляющей этой модели. Производство в этом понимании шеринга основывается на принципах, лежащих в основе ЭСП: экономичности, эффективности, экологичности, инклюзивности. Это производство дружественного отношения к природе, рационального использования всех ресурсов, включая использование отходов, побочных продуктов производственной деятельности,

мусора, которые в результате переработки вновь поступают в потребление. Именно эта сторона шеринга как симбиоза ЭСП и ЭСИ представляет в настоящее время теоретический и практический интерес.

Рассмотрим некоторые аспекты системной или целостной модели шеринга, которые включают две основные составляющие ЭСП и ЭСИ и которая может претендовать на новую модель развития.

Принимая все вышесказанное об ЭСП как определенную информацию и выводы, которые могут быть подвергнуты той или иной критике, выделим еще раз ее сущностные черты. ЭСП – это концепция, нацеленная на новую кооперацию на основе цифровых технологий, гармонизацию различных видов богатств и капитала, призыв к формированию равновесного общества за счет сокращения поляризации, дружественного отношения к природе и др.

ЭСИ – это рециркуляционная и регенерационная зеленая экономика, которая будет материальной основой ЭСП и в которой принципы последней будут реализованы в значительной мере. Это распределенная экономика, интегрированная цифровыми технологиями.

Рассмотрим кратко некоторые направления функционирования ЭСИ. В рамках реализации принципа ответственного отношения к природе, развития «зеленой» экономики, эффективного, безопасного использования отходов ЭСИ функционирует на внутрикорпоративном уровне и на уровне производственной кооперации.

На внутрикорпоративном уровне реализацию этих принципов можно проиллюстрировать на примере компании «ЛУКОЙЛ». В компании реализуется «Программа по рациональному использованию попутного нефтяного газа» (ПНГ). В 2017 г. был достигнут уровень использования ПНГ в 95%, а в 2019 г. он поднялся до 97,6% с учетом зарубежных мощностей компании. Одним из направлений снижения «углеродного следа» компании является использование продуктов ПНГ при его сжигании. Образующийся при сжигании CO_2 начинают использовать для повышения пластового давления и, соответственно, для повышения эффективности при нефтедобыче.

Давление на окружающую среду развивается посредством использования биотехнологий. Так, в России построенный реактор компании «Экобиос» для переработки органических отходов используется для переработки всего их объема на базе племенного завода «Первомайский» в Ленинградской области. В процессе переработки не остается отходов, полностью отсутствуют запах и выбросы в окружающую среду и вырабатывается газ. Масса навоза, перерабатываемая реактором – 100 тонн в сутки, мощность генерации электроэнергии – 140 квт., весь объем потребляется внутри хозяйства.

Снижение воздействия на окружающую среду становится все более заметной тенденцией во всем мире. Так, известная компания Mars сумела добиться нулевого показателя по утилизации отходов на полигонах на 10 своих производственных площадках в России и на всех своих фабриках, расположенных в разных странах мира.

Растущие объемы пластиковых отходов по всему миру волнуют не только экологов. Реализуя принципы ответственного потребления и повторное использование пластиковой упаковки, включились крупнейшие производители FMCG-товаров¹¹. Компании инвестируют в технологии, способствующие производству полностью пригодной ко вторичной переработке упаковки и сокращения доли пластика. Согласно закону об упаковке, принятому в Германии в 2019 г., продажа товара или упаковки без договора с Дуальной системой (координирующей утилизацию) и регистрации в специализированном упаковочном реестре влечет штраф до 200 тыс. евро за каждый случай нарушения. Отсутствие декларации об упаковке также облагается штрафом 100 тыс. евро.

ЭСИ способствует появлению в практике современного бизнеса такого явления, как распределенная цифровая фабрика, предлагающая свободные мощности станков через специализированную биржу. У многих компаний имеются недогруженные либо простаивающие станки, оборудование. Эти компании могут предоставить их в использовании заинтересованным сторонам. Для этого в рамках системы 4.0RU¹², представленной на выставке «Иннопром» (2017) в Екатеринбурге, была представлена модель электронной биржи станков, участником которой может стать любое предприятие. Потребитель может выбрать предприятие, где имеется свободное станочное время, заказать производство необходимой продукции с учетом цены, размера партии и др. Таким образом, объединяются ресурсы и появляется общая мощность, возникает распределенная цифровая фабрика.

Заметным направлением ЭСИ становится производство возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Это прежде всего относится к микрогенерации электроэнергии, когда ее производитель посредством использования своих солнечных панелей одновременно

¹¹ FMCG – Fast Moving Consumer Goods – товары повседневного спроса или товары широкого потребления. Общее определение для дешевых, хорошо продающихся товаров (т. е. ширпотреб).

¹² 4.0RU – система, позволяющая конструктору вначале создать необходимую деталь в цифровом пространстве, а затем найти свободные мощности для производства спроектированного изделия, при этом выбрав лучший вариант по стоимости производства. Когда же изделие будет произведено, система находит оптимальный способ его доставки заказчику.

является и ее потребителем. При объединении в общую цифровую сеть производителей и сторонних потребителей электроэнергии возникает сообщество производителей и потребителей. Так, число производителей и потребителей в Германии и Австрии уже составляет по 2 млн человек в каждой стране.

Число примеров использования элементов модели ЭСИ постоянно растет и становится важным трендом в формировании современной модели экономического развития. Модели рециркуляционной, регенеративной экономики, в основе которой лежит принцип интенсивного использования имеющихся ресурсов с минимальным давлением на окружающую среду и экологичным использованием биоресурсов. ЭСИ дает понимание и образец того, что роста и развития можно добиться на имеющейся ресурсной базе, без увеличения ее эксплуатации, опираясь на возобновляемые ресурсы (ВИЭ), давая экосистеме восстанавливаться.

Симбиоз ЭСП и ЭСИ дает возможность сформулировать основы новой модели социально-экономического развития. Эта модель развития отличается от модели устойчивого развития, которой мир следует 50 лет и которая опирается в основном на линейные факторы экстенсивного роста: разработку новых ископаемых ресурсов, массовое производство и потребление. Цифровая составляющая этой экономики в настоящее время во многом камуфлирует ее под прогрессивную модель.

Некоторые выводы

Современные процессы цифровизации экономики и общества не являются однозначными. Они несут помимо всех возможностей и рисков и другие последствия. Одно из них – это камуфлирование под прогрессивные, теряющие эффективность и полезность для общества, модели устойчивого развития, базирующейся вот уже 40 лет на экстенсивном использовании всех ресурсов, поддержке безудержного потребительства. Другое последствие, связанное во многом с первым, – это разного рода платформенные решения, которые поддерживают эту модель. В нашем случае это платформенные решения развития сферы услуг типа Uber, Airbnb, Lyft и т. п., которые выдаются за экономику шеринга, будучи в основе своей лжешерингом, его симулятором. Шеринг в версии Uber и весь процесс так называемой уберизации – это эффективно поданный суррогат ЭСП.

В этих явлениях налицо одна из ловушек цифровизации, когда прогрессивное – технологии ИКТ – работает на сохранение в других формах той же системы, расширяющейся эксплуатации ресурсов (от материальных до человеческих), массового потре-

ния, роста консьюмеризма, усиления эксплуатации рабочей силы (Uber), отсутствия ответственности, включая корпоративную социальную ответственность как устойчивый механизм.

Другое последствие цифровизации – это действительно прогрессивный процесс создания новых инструментов, механизмов для формирования новой модели социально-экономического роста и развития, также во многом основанное на платформенных решениях, но на других принципах и идеалах – интенсивного, углубленного использования имеющихся ресурсов, рационального потребления, дружественного отношения к природе. В рамках симбиоза ЭСП и ЭСИ эта тенденция проявляется в значительной степени.

Переход к новой экономической модели непрост и не может реализоваться в ближайшее время. Он представляет выбор между материальным и потребительским эгоизмом (прежде всего ведущих международных корпораций в разных сферах деятельности) и социально-экологической моделью экономики, с нацеленностью на рациональное производство и потребление. Для реализации такого перехода и формирования новой модели производства и потребления необходимо наращивание позитивных примеров реализации такой модели, ее пропаганды и внедрения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Проект «Теоретические и методологические основы экономики совместного потребления и возможности ее реализации в РФ» № 20-010-00180

The study was carried out with the financial support of the RFBR, Project “Theoretical and methodological foundations of the economy of shared consumption and the possibility of its implementation in the Russian Federation” No. 20-010-00180

Литература

- Авдокушин, Белова 2018 – *Авдокушин Е.Ф., Белова Л.Г.* Экономика совместного потребления – формирующийся сегмент новой экономики // Вопросы новой экономики. 2018. № 2 (46). Ч. 1. С. 4–14.
- Ревенко 2018 – *Ревенко Н.С.* Новые контуры цифровизации за рубежом и в России: экономика совместного потребления // Экономика. Налоги. Право. Международный научно-практический журнал. 2018. № 2. С. 103–110.
- Шваб 2017 – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2017. 208 с.
- Юрасов 2017 – *Юрасов Р.А.* Умная экономика и экономика совместного потребления – феномены современного регионального развития // Всероссийская научно-практическая конф., посвященная 45-летию образования Института экономики и финансов. Грозный: ЧГУ, 2017. С. 182–185.

- Bardhi, Eckhardt 2012 – *Bardhi F., Eckhardt G.* Access-based consumption: The case of car sharing // *Journal of Consumer Research*. 2012. Vol. 39. №. 4. P. 881–898.
- Belk 2014 – *Belk R.* You are what you can access: sharing and collaborative consumption online // *Journal of Business Research*. 2014. Vol. 67 (8). P. 1595–1600.
- Benoit, Baker et al. 2017 – *Benoit S., Baker L., Bolton R., Gruber T., Kandampully J.* A triadic framework for collaborative consumption (CC): Motives, activities and resources & capabilities of actors // *Journal of Business Research*. 2017. Vol. 79. P. 219–227.
- Botsman, Rogers 2010 – *Botsman R., Rogers R.* What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Business, 2010. 304 p.
- Felson, Spaeth 1978 – *Felson M., Spaeth J.* Community Structure and Collaborative Consumption: a routine activity approach // *American Behavioral Scientist*. Vol. 21 (March-April). P. 614–624.
- Guyader 2019 – *Guyader H.* The Heart & Wallet Paradox of Collaborative Consumption // *Linkoping Studies in Arts and Science*. 2019. №. 763. 152 p.
- Heinrichs 2013 – *Heinrichs H.* Sharing economy: A potential new pathway to sustainability // *GAIA*. 2013. № 22 (4), P. 228–231.
- Quinson 2015 – *Quinson E.* Collaborative consumption through new technologies. Abstract // *Centria University of applied sciences*. 2015. April. P. 1–3.
- Richardson 2015 – *Richardson L.* Performing the sharing economy // *Geoforum*. 2015. Vol. 67. December. P. 121–129.
- Wruk, Oberg, Maurer 2019 – *Wruk D., Oberg, A., Maurer I.* Perspectives on the Sharing Economy. Cambridge Scholars Publishing, 2019. 174 p.

References

- Avdokushin, E.F. and Belova, L.G. (2018), "Sharing Economy – An Emerging Segment of the New Economy", *Issues of the New Economy*, no 2 (46), part 1, pp. 4–14.
- Bardhi, F. and Eckhardt, G. (2012), "Access-based consumption: The case of car sharing", *Journal of Consumer Research*, vol. 39, no. 4, pp. 881–898.
- Belk, R. (2014), "You are what you can access: sharing and collaborative consumption online", *Journal of Business Research*, vol. 67 (8), pp. 1595–1600.
- Benoit, S., Baker Thomas, L., Bolton, R., Gruber T. and Kandampully, J. (2017), "A triadic framework for collaborative consumption (CC): Motives, activities and resources & capabilities of actors", *Journal of Business Research*, vol. 79, pp. 219–227.
- Botsman, R. and Rogers, R. (2010), *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*, Harper Business, New York, USA.
- Felson, M. and Spaeth, J. (1978), "Community Structure and Collaborative Consumption: a routine activity approach", *American Behavioral Scientist*, vol. 21 (March-April), pp. 614–624.
- Guyader, H. (2019), *The Heart & Wallet Paradox of Collaborative Consumption*, Ph.D. Thesis, Linkoping Studies in Arts and Science, no. 763.

- Heinrichs, H. (2013), *Sharing economy: A potential new pathway to sustainability*, *GAIA*, no. 22 (4), pp. 228–231.
- Quinson, E. (2015), *Collaborative consumption through new technologies*, Abstract of the Ph.D. Dissertation, Centria University of applied sciences, April, 2015, pp. 1–3.
- Revenko, N.S. (2018), “New Contours of Digitalization Abroad and in Russia. The Economy of Collaborative Consumption”, *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, Taxes and Law] *International Scientific and Practical Journal*, no. 2, pp. 103–110.
- Richardson, L. (2015), *Performing the sharing economy*. Geoforum, 67, pp. 121–129.
- Shvab, K. (2017), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution], EKSMO, Moscow, Russia.
- Wruk, D., Oberg, A. and Maurer, I. (2019), *Perspectives on the Sharing Economy*, Cambridge Scholars Publishing, UK.
- Yurasov, R.A. (2017), “Smart Economy and Sharing Economy – Phenomena of Contemporary Regional Development”, *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya posvyashchennaya 45-letiyu obrazovaniya Instituta ehkonomiki i finansov* [All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of the Institute of Economics and Finance], Grozny, Russia, pp. 182–185.

Информация об авторах

Евгений Ф. Авдокушин, доктор экономических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1, Elez.elena@gmail.com

Елена Г. Кузнецова, кандидат экономических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1, Elez.elena@gmail.com

Information about the authors

Evgenii F. Avdokushin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; Elez.elena@gmail.com

Elena G. Kuznetsova, Cand. of Sci. (Economics), Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; Elez.elena@gmail.com